

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Михаил Сукнев

ЗАПИСКИ КОМАНДИРА ШТРАФБАТА

ВОСПОМИНАНИЯ КОМБАТА

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Михаил Сукнев

**Записки командира штрафбата.
Воспоминания комбата. 1941—1945**

«Центрполиграф»

2000

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(0)62

Сукнев М. И.

Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945 / М. И. Сукнев — «Центрполиграф», 2000 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-10513-4

Воспоминания М.И. Сукнева, наверно, единственные в нашей военной литературе мемуары, написанные офицером, который командовал штрафбатом. Более трех лет М.И. Сукнев воевал на передовой, несколько раз был ранен. Среди немногих дважды награжден орденом Александра Невского, а также рядом других боевых орденов и медалей. Автор писал книгу в 2000 г., на закате жизни, предельно откровенно. Поэтому его воспоминания являются исключительно ценным свидетельством о войне 1941 — 1945 гг. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-10513-4

© Сукнев М. И., 2000

© Центрполиграф, 2000

Содержание

«Ты сердце не прятал за спины ребят...»	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Сукнев
Записки командира штрафбата.
Воспоминания комбата. 1941—1945

Серия «На линии фронта. Правда о войне» выпускается с 2006 года

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Л.М. Рашидова, наследница М.И. Сукнева, 2023

© «Центрополиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрополиграф», 2023

«Ты сердце не прятал за спины ребят...»

Одним из таких командиров, о которых сложена популярная песня «Комбат», и был автор этой книги Михаил Иванович Сукнев. С ним меня познакомил в августе 2000 года сотрудник мэрии Новосибирска Олег Владимирович Левченко, ценитель военной истории. «Сукнев – легендарный человек, исключительная, яркая личность, – рассказал мне Олег. – Больше трех лет был на передовой, несколько раз ранен. А в каких невероятных переделках участвовал! Чего стоят только схватка с баварцами, бои на Заволховском плацдарме, штурм Новгорода, четыре месяца командования штрафбатом...»

О штрафбате и общении с бандитами из «Черной кошки» Михаил Иванович потом скажет: «Надо бы пропустить это в печать. Интересно и поучительно для других командиров батальонов, как надо вести себя с таким контингентом в боях. Стыдно было смотреть телефильм «ГУ-ГА» Одесской киностудии о штрафниках. Ничего подобного у нас и близко не бывало!»

М.И. Сукнев был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, среди которых медаль «За отвагу» и две медали «За боевые заслуги». Но из своих наград больше всего ценил два ордена Александра Невского, которым награждались офицеры от командира взвода до командира дивизии «за проявление, в соответствии с боевым заданием, инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесения ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск...». То есть сходное с тем, что совершил в 1240 и 1242 годах в битвах со шведами и немецкими рыцарями князь Александр Невский, ободривший свою дружину словами: «Не в силе Бог, но в правде».

Образ святого благоверного князя пришлось вспомнить советским партийцам-атеистам летом 1942-го, когда армия Паулюса уже выходила к Волге... Орден Александра Невского был учрежден 29 июля 1942 года. В Великую Отечественную войну этим орденом было награждено более 42 тысяч офицеров Красной армии, но награжденных им дважды – всего несколько десятков человек.

Довольно странно, но изображение ордена Александра Невского всегда тиражировалось в печати гораздо реже рисунков и фотографий других орденов. А ведь многие специалисты считают этот орден самым красивым из всех орденов СССР. Его знак изготавливался из серебра, пятиконечная звезда с золотыми ободками покрывалась рубиново-красной эмалью. На круглом окованном щите – рельефное изображение Александра Невского. Щит окаймлен лавровым позолоченным венком. Позади щита скрещены позолоченные бердыши. Внизу – меч, копьё, лук, колчан со стрелами.

Первый из врученных М.И. Сукневу орденов Александра Невского имеет номер 12009.

Весь день в том далеком уже 2000 году я записывал на диктофон воспоминания 80-летнего ветерана. Вскоре в журнале «Слово» был опубликован очерк о комбате. Этот материал, видимо, разбередил память Михаила Ивановича, и он прислал из Новосибирска большой конверт, где было письмо с хорошим отзывом и замечаниями, а также рукопись с более подробным изложением своей фронтовой биографии. До этого М.И. Сукнев много лет работал над книгой о событиях Гражданской войны в Сибири, участником которой был его отец. Но о боях Великой Отечественной Михаил Иванович не писал. Как видно из рукописи, слишком тяжел был груз пережитого... «Оборона – малая земля. Страшней черта и всех нечистых. И даже смерти, которая минует тебя ежедневно, отчего ты стынешь душой – леденеет сердце. И ты уже не ты, а кто-то иной, инопланетянин...»

Лучшие силы, молодость и здоровье комбата Сукнева были отданы тем страшным боям с жестоким и сильным противником. Михаил Иванович писал: «На свою самореабилитацию мне понадобилось двадцать с лишним лет... Я дожил до сих годов, и то достаточно...» Военная

карьера, стремительная поначалу, от выпускника военного училища до командира стрелкового батальона, не состоялась. «В 1953 году, – сообщал Михаил Иванович, – меня вновь призвали в армию на двухгодичные курсы командиров полков, планировали на учебу в академию, но обе медкомиссии я не прошел...» Лишь в 2000 году, ко Дню Победы, майор в отставке М.И. Сукнев вместе с другими ветеранами получил очередное воинское звание, стал подполковником.

Михаилу Ивановичу выпало воевать на Волховском фронте. В своих мемуарах командовавший этим фронтом маршал К.А. Мерецков писал: «Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые дороги...» Воевавший здесь немецкий полковник Х. Польман вспоминал: «Тяжелые и чреватые большими потерями оборонительные сражения продолжались три суровых зимы и два лета... 900 дней солдаты из всех немецких земель, а с ними испанцы, фламандцы, голландцы, датчане, норвежцы, латыши и эстонцы боролись здесь против жестокого врага, преодолевая тяжелые климатические и природные условия. Пережитые испытания оставили неизгладимый след в памяти каждого из них. Однако... послевоенная литература по истории войны отводит ему (Волховскому фронту. – А. Т.) очень мало места...»

Бывшему комбату М.И. Сукневу также больше памятно не победоносное наступление в Прибалтике в 1944-м, а изнурительное до сверхпредела окопное противостояние нашествию оккупантов на суровой Новгородской земле.

Поколение М.И. Сукнева, поколение победителей, еще щедро зачерпнуло былинной силы старой Руси, перед которой в конечном итоге не устояла немецкая, по-европейски отлаженная машина. А причина слабости и неготовности советских командиров начала войны – не только в репрессиях 1937 года, но и в революционном терроре 1917-го, когда офицеров солдаты и матросы расстреливали и сбрасывали с борта кораблей... Традиции были порушены, в отличие от той же Германии, где офицерский корпус хранил вековые прусские устои.

Был взорван храм Христа Спасителя, воздвигнутый прежде всего как памятник победителям Отечественной войны 1812 года с именами героев на мемориальных плитах. В церкви Рождества Богородицы над могилами Пересвета и Осляби, героев Куликова поля, до конца 1980-х годов грохотал компрессор завода «Динамо». Были вскрыты и осквернены мощи святого князя Александра Невского...

Вот что пишет в статье «О готовности Красной армии к войне в июне 1941 г.» историк А. Филиппов:

«Не исследован вопрос – какой опыт современной войны (кроме Гражданской) мог получить наш высший комсостав 30-х годов (в том числе и репрессированный), служа с окончания Гражданской войны до 1937 г. в нашей малочисленной, отсталой тогда, территориально-кадровой армии, в которой кадровых дивизий было два десятка (26 %) на двадцать военных округов (во внутренних округах их не было вообще), армейских управлений не существовало с 1920 по 1938 г., крупные маневры начали проводиться только в 1935–1937 гг. и т. п.

Беда в том, что Красная армия так и не успела стать кадровой ни в 1936, ни к 1938, ни к июню 1941 г. С 1935 г. она развивалась экстенсивно, увеличивалась в пять раз – но все в ущерб качеству, прежде всего офицерского и сержантского состава...

Войска были плохо обучены методам современной войны, слабо сколочены, недостаточно организованы. На низком уровне находились радиосвязь, управление, взаимодействие, разведка, тактика...» (Военный вестник (АПН). 1992. № 9.)

О предвоенных репрессиях в армии хорошо известно, а многие ли знают вышеуказанные факты?

...Михаил Иванович Сукнев – из тех сибиряков, чье участие на фронтах Великой Отечественной имело решающее значение. Сибиряки – это отмеченные и немцами, и нашими полко-

водцами самые стойкие полки и дивизии в 1941-м под Москвой и в 1942-м под Сталинградом. Это А.И. Покрышкин, первый и единственный в годы войны трижды Герой Советского Союза.

Сам Сукнев, с его глазомером, реакцией и бесстрашием, несомненно, мог стать одним из выдающихся асов-истребителей. Даже пехотным оружием он исхитрился сбить два самолета точно теми приемами, о которых писал Покрышкин.

М.И. Сукнев – из тех комбатов, о которых сказано немного. В фотоальбомах советских лет, выпущенных к юбилеям Победы, много фотографий полководцев, юных героев, безымянных рядовых... Честь им и слава. А комбатов нет, кроме одного известного снимка. Тому, видимо, есть причины. Те, кто в боях выдвигался на батальон или батарею, – это, в большинстве своем, была подлинная организующая народная сила. Карьеристы искали другие пути.

За полтора десятка лет работы над темой Великой Отечественной войны мне доводилось беседовать с несколькими бывшими командирами батальонов, батарей, авиаэскадрилий, напомиравших такого комбата, как М.И. Сукнев. Они сходны набором фронтовых ран и наград, физической и духовно-нравственной мощью, происхождением из заповедных глубин России, разносторонней одаренностью.

С Михаилом Ивановичем во время долгой, хотя и единственной встречи мы спорили о вере и религии, о революции и сегодняшних событиях. Ветеран умел выслушать другое, нежели собственное, мнение. Главным для него всегда оставалась судьба своей страны, своего народа.

Михаил Иванович был художником, получившим профессиональное образование. На стенах его скромной квартиры я увидел написанные маслом пейзажи – горы Алтая, Обь... Одна из работ М.И. Сукнева – в Горно-Алтайском музее. Да и словом ветеран владел... Лишь иногда его бодрый или язвительный рассказ прерывался глухим кашлем, который, кажется, сдерживал слезы...

За прошедшие годы нескольким издательствам предлагалось издать рукопись комбата. И вот час ее настал. К сожалению, автор не увидит свою книгу изданной. 25 января 2004 года Михаил Иванович ушел из жизни.

Большую помощь при подготовке книги к печати оказал О.В. Левченко.

В последнем из отправленных мне писем Михаил Иванович просил поддержки: «На войне человек день прожил и может писать очерк, рассказ. Все характеры увидишь и поймешь. А у меня три года прошли в окопах... Если можно, попробуйте опубликовать эту повесть, ибо в ней есть то, чего нет в печати и уже не будет...»

Алексей Тимофеев, член Союза писателей России

Глава 1

Волховский фронт

В ноябре 1941 года мы, выпускники военно-пехотного училища, лейтенанты, прибыли в 3-ю Краснознаменную танковую дивизию. Меня определили в разведбатальон. И вот мы под Новгородом. Город красивый, стоит на высоте, километров двадцать до него, видны белокаменные соборы и стены торговой части. Было обидно – сдали город, а теперь ищи убежища в снегах...

17 декабря 1941 года был создан Волховский фронт, в состав которого вошла и наша дивизия.

3-я танковая дивизия, отмеченная после финской войны, потеряла всю боевую технику и 80 процентов личного состава. Отступали они от Прибалтики. Командиры встретили нас, смотрят на красные петлицы, ждали-то они танкистов. Но Ставка поставила на танковой дивизии крест, решили сделать из нее 225-ю пехотную. Дивизия с этим номером, Кемеровская, вся погибла под Киевом. Нам дали ее знамя. Мой полк № 1349.

В дивизию было призвано много местных жителей прифронтовых районов Новгородчины. Сразу после окончания формирования дивизия была направлена на фронт под Новгород, а затем в район деревень Лелявино, Петровское, Заполье, Теремец, Дымно, где происходили жесточайшие бои по созданию, а потом и по удержанию «коридора» для окруженной 2-й Ударной армии генерала Власова. Ширина того «коридора» составляла всего 3–6 километров. Большинство этих деревень сейчас исчезло с карты России...

Полк формируется. Нас, разведчиков, послали на Ильмень-озеро. Пурга, зима началась как следует. До немцев три километра. Посмотрели в бинокль, решили идти за «языком». Дня через три пошли, пятнадцать человек с винтовками. Я – командир взвода. Обходим поляны, от воды – пар, мгла. И вдруг из мглы перед нами возникают немцы, тоже разведка, столько же человек. Вокруг гладь, ни бугорочка, на три километра чистенький снежок... Мы посередине озера, между нами несколько метров. Постояли. Что делать? Винтовка есть винтовка, автомат есть автомат. Ближний бой. Мы их ополовиним, они нас всех срежут. А те тоже думают. Они ведь не знают, что у нас винтовки, оружие закручено белым. Идти на самоуничтожение никому не хочется... Мы пятимся назад, и они тоже. Пятились, пятились и скрылись. Вернулись мы, особому отделу об этом, конечно, ни звука, всех могли пересажать.

О командире нашей дивизии П.И. Ольховском и комполка И.Ф. Лапшине я скажу ниже...

Уже шел декабрь. Под Москвой немцев разбили, была разбита и Тихвинская группа. Наша дивизия прошла по берегу Волхова, дошла до поселения аракчеевских времен Муравьи с большим кавалерийским манежем, в котором кирпичные стены были толщиной в полтора-два метра. Здесь дивизия остановилась. Меня в это время послали в тыл за пополнением. Приехали обратно к Новгороду. Начались сильнейшие снегопады, никакие машины не пройдут. Мы пошли к Муравьям. Мороз за сорок градусов. Подошли на рассвете. А тут стрельба. Смотрим с опушки, внизу около Волхова дым стоит, артиллерия немецкая бьет, сверху – летает немецкий самолет-разведчик. Залегли. Потом пошли вниз, к окопам. В это время на санках привезли наших разведчиков, человек пять. Яркий снег режет глаза. Маскировочные белые халаты все в крови. Невозможно представить. Никогда этого не забуду. Вот тут мне стало страшно... А то – пойдём! Вперед! А оружия, боеприпасов мало. Немцы бьют, а наши молчат. Артиллерию только подтягивать начали, в середине января пришли восемь орудий.

7 января 1942 года началась наступательная Л кубанская операция войск Волховского и части сил Ленинградского фронтов с целью деблокаживания Ленинграда. Войскам Волховского фронта (4-я, 52-я, 59-я и 2-я Ударная армии) противостояли в полосе между озерами

Ладожским и Ильмень 16–17 дивизий группы армий «Север». Планировалось окружить и уничтожить любанскую группировку войск противника и в дальнейшем выйти в тыл с юга к немцам, блокировавшим Ленинград.

После прорыва в глубину обороны противника в районе Мясного Бора 2-я Ударная армия завязла в глубочайших снегах и не достигла Любани, чтобы нанести удар с тыла группе армий «Север». Справа от 2-й Ударной в районе станции Спасская Полнець завязли части наших двух армий. 305-я и часть 225-й стрелковых дивизий, достигнув железной дороги, под давлением противника отступали на село Заполье к Лелявину. К концу января стал очевиден провал Любанской операции. Причины провала указаны командующим Волховским фронтом К.А. Мерецковым в мемуарах «На службе народу».

Он пишет: «Общее соотношение сил и средств к середине января складывалось, если не учитывать танковых сил, в пользу наших войск: в людях – в 1,5 раза, в орудиях и минометах – в 1,6 и в самолетах – в 1,3 раза. На первый взгляд это соотношение являлось для нас вполне благоприятным. Но если учесть слабую обеспеченность средствами вооружения, боеприпасами, всеми видами снабжения, наконец, подготовку самих войск и их техническую оснащенность, то наше «превосходство» выглядело в ином свете. Формальный перевес над противником в артиллерии сводился на нет недостатком снарядов. Какой толк от молчащих орудий? Количество танков далеко не обеспечивало сопровождение и поддержку даже первых эшелонов пехоты. 2-я Ударная и 52-я армии вообще к началу наступления не имели танков. Мы уступали противнику и в качестве самолетов, имея в основном истребители устаревших конструкций и ночные легкие бомбардировщики У-2.

Наши войска уступали врагу в техническом отношении вообще. Немецкие соединения и части по сравнению с нашими имели больше автоматического оружия, автомобилей, средств механизации строительства оборонительных сооружений и дорог, лучше были обеспечены средствами связи и сигнализации. Все армии фронта являлись у нас чисто пехотными. Войска передвигались исключительно в пешем строю. Артиллерия была на конной тяге. В обозе преимущественно использовались лошади. В силу этого подвижность войск была крайне медленной. [...]

Наша пехота из-за отсутствия танковой и авиационной поддержки вынуждена была ломать оборону противника штыком и гранатой, неся при этом большие потери. Там же, где удавалось организовать поддержку пехоты танками и авиацией, потерь было меньше, а успехи значительнее. Конечно, лесисто-болотистая местность и глубокий снежный покров создавали существенные трудности в использовании боевой техники, но они были преодолимы и с лихвой окупались.

Я не раз возвращался к изучению операции по форсированию Волхова, перечитывал старые сводки, донесения и распоряжения, вспоминал и размышлял. С позиций сегодняшнего дня отчетливее видны наши промахи и недоработки военных лет. Следует отметить, например, что вновь прибывшие части 59-й и 2-й Ударной армий, сформированные в короткие сроки, не прошли полного курса обучения. Они были отправлены на фронт, не имея твердых навыков в тактических приемах и в обращении с оружием».

В момент отхода 305-й дивизии к Заполью мы, заместитель командира 1-го батальона 1349-го полка старший лейтенант-танкист Слесарев и я, с двумястами красноармейцев и командиров рот, взводов через Муравьи в обход простреливаемого села Дубровино, пройдя по льду Волхова, вбежали броском в пылающее пожарами Лелявино. Пробираясь с трудом между застывшими телами убитых – наших и противника, мы ворвались (через 300 метров) в село Заполье, где и встретились с отступающими бойцами 305-й сибирской дивизии.

Гитлеровцы и франкисты из «Голубой дивизии» начали сильную контратаку на Заполье, обстреливая нас из минометов. Не выдержав, наши начали с боем отступать в Лелявино. Я

прикрывал из ручного пулемета (станковых у нас еще не было) всю группу до первых окопов в Лелявине, выкопанных еще нашими же войсками, отступавшими от Новгорода на Ленинград в августе 1941-го. Здесь образовалась нейтральная полоса левобережного плацдарма. Противник выдохся и остановился в Заполье. Сколько я уложил атакующих гитлеровцев из РПД – никто не считал. Но бил я без промаха, даже по силуэтам в ночи.

Недаром, обучаясь в Сретенской полковой школе, я брал призовое место по Забайкальскому военному округу в стрельбе из ручного пулемета Дегтярева, за что мне был вручен знак «Отличник РККА». Здесь-то и пригодилась моя снайперская стрельба. Фрицев мы не пропустили в Лелявино, уложив за время боев их, включая нейтральную полосу, до пяти тысяч солдат и офицеров. Но и своих потеряли убитыми при отступлении от железной дороги Новгород – Чудово и здесь перед Лелявино, которое прозвали по фронту «проклятой Лялей», не меньше, чем противник. Кровавая дорога от Волхова и «Ляли» тянулась до Больших и Малых Вишер в госпитали 52-й армии и фронта. Везли раненых навалом на крытых брезентом грузовиках. Сквозь щели днищ кузовов струилась кровь, застывая в воздухе. Мороз доходил ночами за минус сорок.

В Лелявино подходили подкрепления, в большинстве это были сибиряки. Оружие: винтовки современные и выпуска 1918 года. Попадались и учебные с зашлифованными отверстиями на патроннике ствола. Шли в дело гранаты Ф-1, бутылки-самопалы с горючей смесью против танков...

Фрицы остановились, захлебнулись в собственной крови перед нашим Лелявинским плацдармом, точнее, «пятакон», одним из тех, которые позднее будут называться «малыми землями» в угоду генсеку Брежневу.

Из разведвзвода я был направлен в 1-й стрелковый батальон 1349-го полка в Муравьи. Здесь располагались штабы нашего полка и дивизии – по центральной дороге, в подвалах трехэтажных кирпичных домов, наполовину разрушенных снарядами (как и манеж, о котором я уже упомянул), поначалу во время ноябрьских боев нашей артиллерией, выбивавшей отсюда немцев, а сейчас – немцами, громившими поселение всеми видами оружия, вплоть до mortир крупного калибра, которые превращали местечко в груды кирпича и крошева.

Приказ: мне сформировать 1-ю пулеметную роту батальона, выбрав по ротам лучших бойцов и командиров взводов. Основой роты стал первый полученный пулемет «Максим» – копия образцов времен Первой мировой войны, только с гофрированным кожухом. «Что ж, буду и я Чапаевым!» – подумалось. Только тачанку нельзя пускать, а жаль!

С приказом в кармане, точнее, в планшете, где ползком, где перебежками, по окопам, ходам сообщений или по открытым местам бегом во всю прыть, с комиссаром – младшим политруком Яшей Старосельским, мы шастали от одного снесенного артогнем села к другому, от Муравьев в Кирилловку, Пахотную Горку, Слутку. Пять километров по фронту было дано одному неполному 1-му батальону полка! Правда, усиленному артиллерией, от которой сидели с пехотой на НП наблюдатели – корректировщики огня на «пожарный случай», поскольку снарядов было в обрез!

Обратно в манеж мы со Старосельским вернулись с тридцатью бойцами и несколькими сержантами, знакомыми по службе в армии с этим пулеметом. Тут мы узнали об ужасной смерти нашего комбата – краснознаменца с Финской кампании, танкиста капитана Гаврилова. В помещении, где он находился, было нижнее окно полукругом, от земли снаружи сантиметров на двадцать, сделанное, видимо, для вентиляции этого глухого крепостного каземата. Я сразу заметил, что два таких окна-бойницы были загорожены лишь дощечками и каким-то хламом – «от мороза». Подумал: врежет снаряд у такого «вентилятора», и тогда!.. Так оно и произошло.

Той ночью Гаврилов при свете коптилки за столом писал домой письмо. Его первый заместитель Слесарев, уставший после боевых дней за Волховом, спал на топчане у передней стены.

Снаряд с тяжелым гулом взорвался у окна. Один из осколков, от ricochetив дважды от железобетонного потолка, попал в голову комбата. Половина головы со лбом отвалились, кровь хлестанула по всему этому бункеру, обрызгав стены, потолок... и Слесарева, который вскочил, с ужасом глядя на лежащего грудью на столе Гаврилова...

Надо было мне, когда я побывал здесь, получая приказ о пулеметной роте, сказать, чтобы заложили мешками с песком эти амбразуры, ибо снаряды то и дело рвались за стенами манежа.

Фрицы старались вовсю, чтобы развалить и манеж, и городок Муравьи, но из десятка снарядов разрывались только один-два, остальные раскалывались, и мы обнаруживали в них жженую глину. Видно, рабочий класс Европы воевал с фашизмом в этой отрасли...

У нас в роте уже четыре пулемета, и на каждый по семь пулеметчиков, которых надо было учить на ходу. Двое командиров взводов: доброволец из учителей, лейтенант Сергей Исаев и лейтенант Егор Градобоев, только что из военно-пехотного училища.

Манеж выходил фасадом-громадой на берег Волхова. Там же высилась водонасосная башня – кирпичная, одетая в толстый бетон. Эта башня стала нашим дотом, куда я поставил один пулемет. Туда можно было добираться только подземным бетонным водоводом – на животе по льду. Поверху днем били снайперы, ночью – сплошной пулеметный огонь вперемежку со взрывами мин. Снег здесь сметало ветрами будто в трубе, вырыть ход сообщения в ледяной тверди было невозможно. Установили пулеметы в Пахотной Горке, в Кирилловке, что рядом с Муравьями, и два на втором этаже манежа.

Двести пятьдесят метров фасада, полуразрушенного снарядами, противник обстреливал ожесточенно всеми видами оружия, стараясь все испепелить, и особенно водонапорную башню, где находился НП батальона и полка. Установив пулеметы в окнах второго этажа, обложенных мешками с песком, в бинокль я днями наблюдал за той стороной Волхова, смотрел на местечко Уголки, где было домов двадцать, расположенных огородами вдоль низкого берега. Мне были видны амбразуры дзотов, огневых точек. Как-то вижу: два фрица у крайнего справа дома в сенях без передней стены пилят дрова. Силуэты немцев – будто игрушечные «два кузнеца», что напомнило детство. И напомнило девушку, которую в Лелявине фрицы выбросили из окна ее дома и сожгли живьем. Она лежала на снегу обгоревшая, что врезалось в мою память на всю жизнь.

– Ну, максимка, не подведи! – сказал я и дал контрольный выстрел чуть левее сеней и цели. По горизонту – точно. Расстояние – под шестьсот метров, но вижу цель отлично. Даю очередь. Оба фрица за смертью рухнули. По селу, по улице, по ходам сообщений забежали фрицы, будто тараканы, ошпаренные кипятком. Побежали и к этому дому на окраине. Пришлось еще уложить несколько фрицев. С верхнего, третьего этажа, еще уцелевшего, это засекли артиллеристы нашего полка. Дня через три в дивизионной газете появилась заметка, что такого-то числа «лейтенант Сукнев М. из пулемета уничтожил двух фашистов, ранил несколько, чем открыл первым в дивизии СНАЙПЕРСКИЙ СЧЕТ».

Тогда же я придумал еще один «творческий трюк». Пока фрицы бегали по селу, я пристрелял несколько амбразур трассами так, что позади такой точки по траншеям разлетались пули. На самой левой и «вредной» точке, обстреливающей пространство между манежем и водонасосной башней, я, пристреляв (прострелив) ее, зафиксировал свой пулемет.

Ночью, когда заработал пулемет фрица с той амбразуры, я тотчас погасил эту смертную трассу. До утра и на другую ночь амбразура врага молчала. На другую ночь я погасил следующую. Потом еще несколько ночей я подавлял очередями эти огневые точки.

Потом мы обнаружили такую немецкую хитрость: будучи в разведке за «языком» в Заполье, увидели в траншее противника, что пулеметчика в дзоте нет, но пулемет стреляет. Оказалось – спасаясь от стужи, от страха фрицы, привязав за спусковой рычаг пулемета веревку или провод, укрываясь в глубине землянок или блиндажей, дергали за рычаг, ведя таким образом

стрельбу «по воробьям». Но пулемет у них особенный. Дойдет сектор обстрела до крайней точки справа или слева и снова двигается автоматически по горизонту...

Своему методу засечек амбразур я научил пулеметчиков роты. Будучи впоследствии в других полках, командуя батальонами, я такого метода нигде не встречал и тоже учил ему пулеметчиков.

Глава 2

Дуэль с баварцами

Образовалась линия обороны Заволховского плацдарма стратегического значения. От села Лелявино до Дымно – 25 километров по реке Волхов, а в глубину, по центру на Мясной Бор, – 6 километров. Линия обороны была очерчена как бы боевым выгнутым луком, концы которого противник пытался смести огнем с лица земли, не решаясь идти в контратаки из-за страшных зимних потерь. К тому же у него в тылу в окружении оставалась 2-я Ударная армия, которая вела бои до начала июня 1942-го! Там, в котлах, героически сражались наши, а кто-то сдавался в плен. Об этом мы тогда не знали, защищая фланги своего плацдарма ценой большой крови! Части нашей 52-й, 4-й и 59-й армий, оставив сильные заграждения на левобережье Волхова, отошли на новое формирование, обрекая на гибель 2-ю Ударную...

Шла жесточайшая оборона плацдарма. Наш 1-й стрелковый батальон 1349-го стрелкового полка залег там в окопы 20 января 1942-го и вышел оттуда 10 февраля 1943-го, чтобы погибнуть уже в шестой или седьмой раз при штурме твердынь Новгорода...

Батальон каждые четыре месяца менялся почти полностью. Убитые, раненые, умершие от разрыва сердца, цинги и туберкулеза. Оставались единицы, в их числе я, старшина роты Николай Лобанов, командир взвода пулеметчиков Александр Жадан и по десятку человек по ротам. Раненые и больные исчезали и не возвращались более на этот вулкан!

Помню конец мая, где-то правее нас, за лесами немцы добивали 2-ю Ударную армию. Там гром артиллерии не затихал. Вели стрельбу то противник, то наши, и у нас – ежедневная «профилактика». Проходит пятнадцать, чуть более минут – и снова от снарядов земля дыбом!..

Оборона – малая земля. Страшной черта и всех нечистых. И даже смерти, которая тебя минует ежедневно, от чего ты стынешь душой – леденеет сердце. И ты уже не ты, а кто-то иной, инопланетянин.

Смотришь в кино «романтику» войны и диву даешься: где она была?..

Заволховский плацдарм буквально горел от взрывов артиллерийско-минометного огня, от бомбовых ударов с воздуха стервятников на «юнкерах». Плацдарм был накрыт смертельной сетью пулеметных трасс. Но защитники этой дорогой Новгородской земли стояли насмерть, выдерживая шквал огня. Из-за неимения необходимого запаса снарядов наша артиллерия молчала, не подавляя фашистские батареи. Это злило и выливалось в ярость, понятно, не на фрицев, а на наших «высших» деятелей...

...Боями за Заволховский плацдарм наши части приковали к себе не менее шести-семи немецких и испанскую дивизию, тогда так необходимых гитлеровскому командованию для захвата блокадного Ленинграда. Мы, бойцы, командиры и комиссары, на Лелявинском «пятаке» в полтора квадратных километра своим далеко не полным слабовооруженным батальоном вели непрерывный бой.

Мы не успевали досчитываться товарищей, как их уносила эта свинцовая буря. Сегодня приняли с «большой земли» пополнение, а к утру многих уже нет в живых, а кто-то даже не дошел до той же 3-й стрелковой роты, выдвинувшейся углом вперед по центру обороны в сторону противника к самому Заполю, сожженному и разрушенному, кроме одного дома у могучих тополей, кои и по сей день стоят богатырями...

Середина нашей обороны, где не осталось ничего, кроме снежного поля, просматривалась противником слева, из-за ручья Бобров, от опушки лесного массива через широкий, с крутыми склонами лог, оканчивающийся устьем этой тихой, страшно топкой речушки, впадающей в Волхов. Здесь была оборона 1-й роты старшего лейтенанта Петрова, КП которого

находился в блиндаже внутри уже полуразрушенной церкви, что высилась по-над Волховом, на высоком обрыве. Отсюда главная траншея тянулась вдоль лога, достигая обороны 3-й роты старшего лейтенанта Столярова, самой опасной для ее бойцов. Левый фланг роты простреливался от опушки леса, а по центру – с запада от Заполя по фронту. Правей (севернее), параллельно береговой линии, тянулась оборона 2-й роты, принимая на себя ружейно-пулеметный огонь от Заполя и севернее, на свой правый фланг. Здесь образовался разрыв в обороне батальона от соседа справа из нашего 299-го полка. Этот разрыв не особенно волновал невозмутимого комбата, который сменил погибшего Гаврилова, капитана Алешина. «Пусть Сукнев со своими пулеметчиками перекроет эти ворота фрицам», – резюмировал он. Алешин ни разу так и не побывал в ротах по всей обороне, давая через меня указания комротам и получая от меня «свои соображения» по улучшению фортификационных сооружений. Оно понятно – танкист до мозга костей, пройдя финскую войну, отмеченный высокими наградами, Алешин предпочитал рисковать своей жизнью только в качестве танкиста, а в пехоте – ни-ни!

Поневоле я стал занимать в батальоне положение первого заместителя командира, а настоящий зам, мой старший товарищ Слесарев, бывало, скроется где-то в ротных блиндажах и сутками не заметен. Он тоже ждал назначения в танковую часть... Оно, возможно, было и к лучшему. Плохо, когда, как говорится, пироги печет сапожник, сапоги тачает пирожник.

Так, находясь ночами все время в движении, я проходил слева направо по первым траншеям всю оборону батальона, бывая **ОБЯЗАТЕЛЬНО** у своих пулеметчиков. А потом докладывал Алешину – что и как. Мой друг Григорий Гайченя – адъютант старший батальона, старший лейтенант, прибывший в мае, больше находился в блиндаже комбата, по телефону составляя сводки о раненых, убитых, что-то еще примечательное о противнике и т. д.

В каждой роте по норме должно было быть по четыре станковых пулемета. Всего на батальон – **ДВЕНАДЦАТЬ!** И плюс четыре – в пулеметной роте со своим участком обороны, в данном случае – на стыке с соседом, где оказался разрыв, пустое место. Жди разведку фрицев, потом они могли зайти со стороны реки и бить по нас из автоматов.

Но батальон имел только пять пулеметов с неполным комплектом патронов, поэтому мы открывали стрельбу «только в цель» и по команде сверху. Я оставил в ротах по одному «Максиму», себе поставил два на 300 метров обороны по фронту, чтобы «почувствовать правым локтем» соседа, моего однокашника по Сретенску и Свердловску Николая Филатова.

В этой войне те, кто ее прошел сквозь море огня в первых линиях боевых действий и чудом выжил, узнали сполна цену многих наших «отцов-командиров»! Грошова!!! Цвет армии, лучших командиров и командармов, «вождь» с подручными НКВД «своевременно» отправил в иной мир, будто в угоду германскому командованию. Мало перед войной осталось в нашей армии толковых офицеров и генералов. Василевский, Рокоссовский, начальник Генштаба Шапошников... На своем уровне я немного встретил порядочных командиров. Остальных привозили откуда-то с тыла... Никакой инициативы. Пока приказа нет, никуда не пойдет. А поступит приказ, уже поздно... Я пишу только то, что мне пришлось самому видеть и пережить. Сколько понапрасну было пролито крови рекой под командованием генерала армии К.А. Мерецкова, командующего Волховским фронтом...

К.А. Мерецков в мемуарах «На службе народу» пишет о гибели 2-й Ударной, о дважды гибели нашей 225-й стрелковой дивизии, оправдывая эти жертвы спасением Ленинграда. Наш командующий писал: «В то тяжелое для нашей Родины время все мы стремились к тому, чтобы быстрее добиться перелома в борьбе с врагом, и, как ни тяжело признаваться в этом, допускали ошибки, некоторые же, в том числе и автор этих строк, в те дни иногда не проявляли достаточной настойчивости, чтобы убедить вышестоящее начальство в необходимости принятия тех или иных мер». Признает также Мерецков, что «неудачно были подобраны отдельные военачальники. Позволю себе остановиться на характеристике командующего 2-й Удар-

ной армией генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Он пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 года:

«1. Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг – аршин, им и ходить. Ускоренный – полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак – затемно, перед рассветом, а обед – затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать – хорошо, а нет – и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем – и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода – ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

Ну чем не Суворов? Но ведь известно, что Суворов, помимо отдачи броских, проникающих в солдатскую душу приказов, заботился о войсках. Он требовал, чтобы все хорошо были одеты, вооружены и накормлены. Готовясь к бою, он учитывал все до мелочей, лично занимался рекогносцировкой местности и подступов к укреплениям противника. Соколов же думал, что все дело в лихой бумажке, и ограничивался в основном только приказами».

От себя к этим словам добавлю, что особенно жестоким и бездарным был командующий нашей 52-й армией генерал-лейтенант Яковлев¹. Вместо того чтобы снабжать армию, довольно немногочисленную, необходимым боезапасом, он гнал батальоны и полки в заранее проваль-ные операции с большими потерями, что я видел и пережил.

¹ Яковлев Всеволод Федорович (1895–1974). Генерал-лейтенант (1940). В Гражданскую войну – командир полка. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934). В советско-финляндскую войну командующий и замкомандующего 7-й армией. С конца июня 1941 г. командующий войсками Киевского особого военного округа. В ходе Великой Отечественной войны начальник тыла Юго-Западного фронта, замначальника Генштаба, командующий 4-й (сентябрь – ноябрь 1941) и 52-й (январь 1942 – июль 1943) армиями, помощник командующего Степным фронтом (август – октябрь 1943). В 1943–1946 гг. командующий войсками Белорусского и Ставропольского военных округов. Награжден двумя орденами Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.